Даже пирог с мясом, который Кикимер приготовил на обед, казался Гарри безвкусным. Чай, который он отхлебнул, чтобы прочистить горло, был горьким. Эльф-домовик старался изо всех сил, как всегда, но Гарри потерял вкус к еде. В ней не было утешения. Даже Джинни, которая обычно помогала ему забыться, не могла сегодня облегчить его печаль. Тоска тяготила душу юного чародея, втягивала в депрессию, которая не позволяла ему есть, пить и любить.

Три человека в столовой больше не могли притворяться, как они обычно это делали, что их разбитые сердца когда-нибудь заживут. Джинни возила еду по тарелке, не в силах проглотить ни кусочка. Она рассеянно смотрела на обед, склонив голову, будто в молитве. Рон даже не пытался сделать вид, что ест. Он сгорбился в кресле, скрестив руки на груди. Гарри видел, как до зубовного скрежета сжимались его челюсти, а ноздри раздувались, будто он был на грани слез.

— Принести огневиски? — тихо спросил Гарри. — Я купил лучшее. На сегодня.

— Можно, — равнодушно сказал Рон. Джинни только кивнула, ее глаза были закрыты.

Поттер встал. Он мог бы использовать магию, чтобы притянуть бутылку, но был обеспокоен. Гарри пересек комнату, которая, несмотря на все усилия Кикимера, была такой же унылой и мрачной, как и площадь Гриммо. Однако его разум унесся прочь от этой мысли; несмотря на мрачность резиденции Блэков, он хорошо там проводил время. Воспоминания о хороших временах заставляли его желудок сжиматься, даже сильнее, чем о плохих.

Нигде в доме не было фотографий, кроме альбома, который Хагрид подарил Гарри много лет назад. Не было веселых волн, исходящих от мертвецов, чтобы усугубить горе. Гарри сам упаковал фотографии — для Джинни и Рона было слишком тяжело видеть, как их семья улыбается им.

— Гарри? — Голос Джинни прервал его мысли. Он повернулся к ней.

— Да?

— Ты просто стоял там… — Она понимающе смотрела на него своими карими глазами. Он не знал, где и кем он был бы без нее. Скорее всего, был бы мертв. Они были женаты почти три года; поженились всего через несколько месяцев после битвы за Хогвартс, рядом был только Рон. Флитвик, директор Хогвартса и один из немногих выживших в битве, плакал.

— Я знаю, извини.

В конце концов, Гарри все равно притянул бутылку, и, сделав три глотка, почти оцепенел.

— Им бы не понравилось то, что мы делаем, — неожиданно сказал Рон. О них Рон говорил только когда был пьян. Гарри потерял счет тому, сколько тот выпил, но он не был опекуном своего лучшего друга.

— Я знаю, — сказала Джинни. — Но мы делаем, что можем.

— Гермиона, — его голос надломился, и он потер подбородок. Она надрала бы нам задницы.

— Да, — согласился Гарри. Он многое отдал бы за то, чтобы его погибшая подруга надрала ему задницу.

— Фред и Джордж были бы… они были бы ужасны, — Джинни попыталась улыбнуться, но

улыбка вышла криво и исчезла почти сразу же, как только появилась.

— Твои мама и папа должны были бы строго поговорить с нами, — Гарри протянул руку и схватил Рона за плечо. — Твоя мама особенно.

— Папа был бы… он был бы на кухне, рассматривая маггловские вещицы, пока мама кричала бы на нас.

— Перси читал бы нам акты беспорядков, говоря нам, что мы не являемся хорошими образцами для подражания, и что мы позорим имя Уизли.

— Флер так разозлилась бы, что кричала бы на нас по-французски, — вставил Гарри. Огневиски обжег ему горло, и говорить стало легче. — И Билл проклял бы нас так сильно, что мы бы стали старыми и седыми к тому времени, когда проклятие снялось бы.

— Чарли натравил бы на нас драконов, — предположила Джинни. — Вы знаете, что он бы это сделал.

Но они все ушли, все. Разрушенный зал, заваленный телами и залитый кровью. Гарри покачал головой. Они спали в земле, не подозревая об одинокой и горькой победе и боли, которую причинила их смерть. Если бы Гарри знал раньше, что он крестраж, если бы он сдался перед бойней…

— Хватит, Гарри, — хором сказали Джинни и Рон. — Мы знаем, о чем ты думаешь, — добавила Джинни. — Это была не твоя вина.

— Я просто…

— Я знаю, — мягко сказала Джинни. — Но обвиняй того, кто виноват. Волан -де-Морт убил их. Беллатриса убила их. Долохов убил их. А ты убил их, тех, кто украл нашу семью.

— Только один раз, — с горечью сказал Гарри.

Рон глубоко вздохнул, сделал еще один глоток и зажмурил глаза.

— Я буду скучать по ним. Всегда и вечно, — сказал он.

— Всегда и вечно, — повторили Гарри и Джинни. Всегда и вечно — фраза, которая изначально началась с предложения Гарри Джинни. Это не было романтично. Целый месяц похорон, и любовь, которую он испытывал к ней, была единственным, что удерживало его в здравом уме.

— Джинни, — прошептал он, когда они лежали, обняв друг друга. Они только что проснулись. Утро тогда было безрадостным — в первый момент пробуждения их победа казалась похожей на поражение.

— Гарри, — прошептала она ему в грудь.

— Я не могу жить без тебя, — просто сказал он. — Я бы не выжил.

— Я тоже, — вздохнула она.

— Я буду любить тебя, — сказал он. Всегда и вечно. Ты выйдешь за меня замуж?

Это было лучшее, что он мог сделать. Они воссоединились после года бесплодных поисков

крестражей и атаки на Нору. Гарри понял, стоя среди обломков, в ужасе, что, несмотря на все его усилия, Джинни и ее семья всегда будут мишенями. Он не хотел терять ее так, чтобы она каждый день не знала, что, несмотря на время и расстояние, она была его лучшей частью. Они были полны надежд. После еще одного года, когда Джинни скрывалась со своей семьей, Гарри решил, что, как только он позаботится о Волан-де-Морте, он наденет кольцо ей на палец и никогда не отпустит. Он мечтал о том, как он сделает ей предложение. Возможно, в гостиной Гриффиндора или на поле для квиддича.

Но этому не суждено было исполниться.

Всегда и вечно. Это стало крылатой фразой, и они оба произнесли ее в клятвах, которые дали друг другу на одиноком холме, поросшем вереском. Это тронуло Рона, хотя они и не подозревали об этом несколько месяцев.

Был день Рождества, и внутри бушевала скорбь, а снаружи бушевала буря. День, который должен был быть счастливым. Но когда каждый человек потерял всех, кого когда-либо любил, счастье было невозможным. Они нашли утешение в вине.

— Я буду скучать по ним, — сказал Рон. — Всегда и вечно. — Он не был настолько пьян, чтобы не осознавать, что присвоил слова, которые были особенными для Гарри и Джинни, и его лицо превратилось в изменяющуюся гримасу. — Мне жаль, я…

— Нет, — твердо сказал Гарри. Он переглянулся с Джинни. — Это подходит.

Так оно и было. Всегда и вечно означало его и Джинни. Но это также означало его, Рона и их общее прошлое. Это означало, что Рон и Джинни, единственные выжившие из большой семьи, были более хрупкими, чем любой из них когда-либо мог думать. Это означало раны, которые всегда, вечно будут здесь, и это означало любовь, которую они всегда, вечно будут чувствовать к тем, кого потеряли.

Они просидели в тишине добрый час, и Гарри был уверен, что не одинок в своих мыслях. Джинни придвинула свой стул ближе к Гарри; их плечи соприкоснулись. Он хотел обнять ее, погрузиться в нее, пока не потеряет себя, но это была годовщина всего, что они потеряли, и Гарри не думал, что сможет заняться с ней любовью, даже если попытается.

— Хотел бы я, чтобы у нас был Маховик времени Гермионы, — рассеянно сказал Рон хриплым голосом. — Хотелось бы, чтобы мы могли вернуться, меня бы не вывело из строя это отвратительное проклятие. Я мог бы защитить их, может быть…

— Это Маховик времени, Гарри, — эхом отозвался голос Гермионы из прошлого, и Гарри поразила мысль, настолько дикая и безумная, что он понял, что пьян даже больше, чем думал. Он пытался остановить это, пытался притвориться, что это не приходило ему в голову, но нелепая мысль крепко захватила его. Он открыл рот, но слов не было.

— Гарри? — Он услышал тревогу в голосе Джинни. Он должен выглядеть дико; он чувствовал себя дико. Ему захотелось рассмеяться.

— Что, если бы мы могли? Он спросил. — Что, если бы мы могли?

— Могли что? — Рон уставился на него. Гарри не мог припомнить, чтобы он чувствовал себя таким целеустремленным. Не с тех пор, как они потеряли всех, кроме друг друга, на поле боя.

— Что, если бы мы могли вернуться в прошлое?

— Гарри… — вздохнула Джинни. — Это невозможно. Это невозможно. Маховики времени могут вернуться только на несколько часов назад, ты это знаешь. Ты пьян, нам пора спать.

— Нет, — решительно сказал Гарри. — Мы должны подумать об этом, мы должны!

— Ты не в своем уме, приятель, — категорически сказал Рон. — Это психическое. Не стоит даже думать об этом, это вредно для здоровья.

Смех Гарри звучал жутковато даже для его собственных ушей.

— Мы все нездоровы, Рон. Прошло три года, а мы ни черта не сделали с тех пор, как это случилось. Мы старики, хотя нам всего по двадцать четыре. Нас трое. Если бы вас двоих здесь не было, я, наверное, давно бы покончил собой.

В глазах Джинни стояли слезы.

— Но Гарри… это невозможно, то, о чем ты думаешь.

— Откуда вы знаете? — воинственно спросил Гарри. — Может быть, просто никто об этом никогда не говорил.

— Ты чего, хочешь построить сверхмощный Маховик времени? — спросил Рон. — Вернуться в прошлое и спасти всех, оставаясь незамеченными? Что мы можем изменить?

— Все, — сказал Гарри. — Все. Мы должны попробовать, черт возьми!

— Гарри, но у нас есть все эти воспоминания о жизни без них, — сказала Джинни. — Воспоминания за три года. Если бы мы действительно смогли вернуться в прошлое, то мы бы уже это знали. Они были бы живы.

— Нет, если мы не изменим Судьбу, — сказал Гарри. — У нас были бы другие воспоминания. Мы бы сейчас были в Норе, праздновали нашу победу, а не упивались ценой, которую заплатили за нее.

Рон и Джинни переглянулись.

— Слушай, — сказал Гарри, все больше раздражаясь. — Рон, разве ты не хотел бы вернуть свою жену? Джинни, разве ты не хотел бы жить в мире, где еще дышит твоя семья?

— Это жестоко, — мягко сказала Джинни, но Гарри знал, что она без конца думает об этом.

— Прости, — сказал он, хотя он не сожалел. Он снова почувствовал себя почти живым; он чувствовал себя так же, как когда занимался любовью с Джинни или летал по сельской местности с Роном. Он чувствовал, что у него есть цель. Возможно, это не сработает, но он мог бы хотя бы попытаться.

— Мне кажется, Гермиона что-то упомянула об этом однажды, — неуверенно сказал Рон. — Это было на следующее утро после того, как вы, ребята, спасли Сириуса. Она говорила о том, что Маховики времени — самый надежный способ путешествовать во времени.

— А если Маховик времени — самый надежный, то должны быть и ненадежные, — сказал Гарри. — Мы можем узнать это завтра, после того, как поговорим с портретом Дамблдора.

— Мы едем в Хогвартс? — спросила Джинни. Гарри знал, о чем она думает. Они не

возвращались туда после битвы; обломки не убраны, а тела все еще находились в Большом зале.

— Да, — сказал Гарри.

— Дамблдор бы знал, если бы мы могли что-нибудь сделать, — сказал Рон.

Гарри чувствовал себя странно, если не сказать больше. В течение трех лет страдания разъедали его, всех их. Было странно снова иметь цель. — Я думаю… я действительно думаю, что способ есть.

Он заметил, что его безумие повлияло на Рона и Джинни. Ему потребовалось мгновение, чтобы узнать выражение их лиц. Впервые за много лет они выглядели полными надежды.

http://tl.rulate.ru/book/73133/2013077